

Šābir ʿĀbdīn ʿAḥmad. Al-ʿIrḡ al-nūbī fī-l-ʿāmmiyya al-sūdāniyya. Al-Ḥarṭūm: Madārāt, 2013.

Yūsuf Faḍl Ḥasan. Muqaddima fī tāriḥ al-mamālik al-ʿislāmiyya fī-l-sūdān al-šarqī 1450–1821. Al-Ḥarṭūm, 2012.

М.А. Родионов

АРАВИЙСКИЕ РАЗВАЛИНЫ: ТЕКСТ И ПОВОД ДЛЯ НАРРАТИВА

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Этот старый раб, говоривший с Плинием в стихах Иосифа Бродского [Бродский 1994: 285], вполне мог быть арабом. Действительно, в арабской (и — шире — мусульманской) культурной памяти сохранились тексты арабских поэтов от эпохи джахилии до первых четырех веков хиджры включительно, в которых нередко упоминаются следы покинутого жилья. Зачин образцовой бедуинской касыды подразумевает остановку на месте былогог кочевья (*wuqūf al-atlāl*), где стихотворец предлагает спутникам поплакать над золой погасшего очага и вдохновенно импровизирует свою поэму, сравнивая следы прошлого с полустертой татуировкой или подновленными письменами [Аравийская старина 1983: 23, 28, 36, 40], но тут же переходя к более важным темам — любви, славе, героизму и т.д. Иными словами, поэты видели в следах кочевья некий культурный текст, но не ставили себе целью его последовательное прочтение, довольствуясь лаконичным сравнением, знаком-меткой.

В отличие от временной стоянки, постоянная постройка, тем более каменный дворец или мощная крепость, были для аравийских кочевников и разделяющих их мировосприятие оседлых тщетным стремлением к прочности и долговечности, а значит, дерзким вызовом ад-Дахру (судьбе-времени), постоянно напоминающим о невозможности чего-либо постоянного в этом мире. В подобном контексте развалины — мета-

фора заведомой обреченности и безнадежности такого рода стремлений.

Крупнейший поэт джахилии Имрулкайс (VI в.), отразивший многие жужноаравийские реалии в своих стихах, сказал о коварности наступающей всех судьбы, сравнив ее с людоедом, превращающим крепости в руины:

Разве не сообщал я тебе, что ад-Дахр — это гуль, // вероломная, пожирающая людей?

Она разрушила крепости [йеменского правителя] Зу-Рияша, // и она властвует на равнинах и в горах [Imru'u-l-Qays 2004: 150].

أَلَمْ أُخْبِرْكَ أَنَّ الدَّهْرَ غُولٌ ۖ ۥ ۥ خَنُورُ الْعَهْدِ يَلْتَهُمُ الرَّجَالَا
أَزَالَ عَنِ الْمَصَانِعِ ذَا رِيَاشٍ ۖ ۥ ۥ وَقَدْ مَلَكَ السُّهُولَةَ وَالْجِبَالَا

Доисламский придворный поэт ал-А'аша, много путешествовавший по Аравии и за ее пределами, скорее всего, видел своими глазами развалины древних йеменских дворцов. В его стихах описание развалин — повод для нарратива, повествующего нам о тщете человеческой гордыни:

О тот, кто видел [дворец] Райман [в Йемене] — // он опустел, в руины обратились его залы.

.....
Персы лишили его девственности после // [того, как это пытались сделать] эфиопы, так что его ворота сломлены,

И ты запечатлел его с уже разрушенными высокими [башнями], // ведь его сравнили с землей.

Я бы осмотрел его в те времена, // когда он был полон жизни,

Но он уже опустел. Ведь у каждого, кто молод, // молодость не продлится вечно [al-A'shā 1968: 289].

يَا مَنْ يَرَى رَيْمَانَ أَمْ ۖ ۥ ۥ أَسَى خَاوِيَا خَرِبًا كَعَابُهُ

.....
بَكَرَتْ عَلَيْهِ الْفُرْسُ بَعْدَ ۖ ۥ ۥ ذِ الْحَيْشِ حَتَّى هَدَّ بَابُهُ
فَتَرَاهُ مَهْدُومَ الْأَعَا ۖ ۥ ۥ لِي وَهُوَ مَسْحُورٌ ثُرَابُهُ
وَلَقَدْ أَرَاهُ بِغَيْطَةٍ ۖ ۥ ۥ فِي الْعَيْشِ مُحْضَرًّا جَنَابُهُ
فَخَوَى وَمَا مِنْ ذِي شَبَا ۖ ۥ ۥ بٍ دَائِمٍ أَبَدًا شَبَابُهُ

Тот же арабийский нарратив использован в Коране: «Разве ты не видел, как поступил Господь твой с адитами (‘ād) // Ирама, обладателя колонн, // подобного коему не было создано в странах, // и самудянами, пробивавшими скалы в долине» [Коран: 89: 6–9].

В исламскую эпоху появилась надежда, что всеразрушающей власти судьбы-времени можно избежать, уповая на милость Аллаха в следующей жизни, но старая поэтическая традиция сохранилась. Так Абу-л-‘Атахия (748–825) автор аскетических стихов-зухдиййат, создавший новую традицию, использовал нарратив развалин вполне в старобедуинском духе:

Долгие годы я любил развлекаться, // но [судьба] выпустила в меня свою стрелу и поразила [т.е. и меня не пощадил]о время.

О ты, строящий высокие дворцы! // К чему ты стремишься? Неужто желаешь достичь облаков?

Ведь ты [лишь проходишь] сквозь вадии судьбы (Вади ал-Манайа), // и если смерть выпустит [свою стрелу], она попадет [в тебя].

О ты, строящий [дворцы], чтобы их разрушило время! // Строй что желаешь — [в итоге будут] руины.

Неужели ты веришь, что смерть сжалится // над тобой? Ведь дни [не приносят ничего], кроме превратностей [Abū al-‘Atāhiya 1986: 52].

طَالَمَا كُنْتُ أَحِبُّ النَّصَابِي، // فَرَمَانِي سَهْمُهُ وَأَصَابِي
أَيُّهَا الْبَانِي فَصُورًا طَوَالًا! // أَيْنَ تَبْغِي، هَلْ تُرِيدُ السَّحَابَا؟
إِنَّمَا أَنْتَ يَوَادِي الْمَنَايَا، // إِنْ رَمَاكَ الْمَوْتُ فِيهِ أَصَابَا
أَيُّهَا الْبَانِي لِهَذَا النَّيَالِي! // إِنْ مَا شِئْتَ سَوْفَ تَبْقَى خَرَابَا
أَأْمِئْتَ الْمَوْتَ، وَالْمَوْتُ يَأْتِي، // بَكَ، وَالْأَيَّامُ إِنْهَا انْقِلَابَا

Тем же настроением проникнуты строки Ибн ал-Му‘тазза (861–908), придворного поэта, отличавшегося прекрасным знанием бедуинской традиции:

В ат-Талле, ал-Джаусаке и ал-Ката‘и, — // сколько там было дворцов [превратившихся] в руины!

Было время, когда их посещали, и в них кипела жизнь, // и все трепетали перед властителями, возведенными в них на престол.

И после это все исчезло, будто ничего не было. // Ведь судьба (ад-Дахр) играет людьми, как ей вздумается [Ibn al-Mu‘tazz 1961: 482–483].

بالتُّلِّ وَالْجَوْسَقِ وَالْقَطَاعِ ۖ كَمْ تَمَّ مِنْ دَارٍ لَهُمْ بِالْقَاعِ
كَانَتْ تُزَارُ زَمَانًا وَتَعْمَرُ ۖ وَيَبْقَى أَمِيرُهَا الْمُؤَمَّرُ

.....
تَمَّ انْقِضَى ذَلِكَ كَانَ لَمْ يُفْعَلْ ۖ وَالذَّهْرُ بِالْإِنْسَانِ دُو تَنْقَلُ

Мотив тщеты человеческих усилий и недолговечности создаваемого родом людским в этой жизни оказался устойчивым в традиционной арабской поэзии, включая южноаравийские стихи на разговорном языке, популярные в племенах и городских низах по сей день, или поэзию на «полулитературном» языке, характерную для мусульманской элиты, нередко пронизанную суфийскими настроениями.

Так основатель священного анклава-хауты ал-Машхад (Вади Дау‘ан в западном Хадрамауте) сайид ‘Али б. Хасан б. ‘Абдаллах б. Хусайн б. ‘Умар б. ‘Абд ар-Рахман ал-‘Атгас (1122/1710 — 1172/1758) в своих не раз цитировавшихся мной касыдах беседует с развалинами древнего поселения Райбун о судьбе его жителей. «Каково известие об их гибели и какова причина?» — спрашивает сайид ‘Али. Причина гибели этих красивых и щедрых людей, объясняет Райбун, вражда с Богом и Его пророками — Салихом, Мусой, ал-Хидром и Христом. И ‘Али б. Хасан ал-‘Атгас заключает:

Остались развалины, как им Господь твой предписал.

Тот, кто смотрит на них во мраке ночи, от них убегает.

Сколько поучительного в сей жизни и сколько удивительного!

(полный арабский текст и английский перевод см.: [Rodionov 2007: 172–174]; также см.: [Родионов 2014: 80–82]).

В поэтическом словаре сайида ‘Али постоянно встречаются суфийские термины, напр., «тайна сокровенная» (al-sirr al-maknūn), но для нас главный из них — «поучительные примеры» (‘ibarāt) [Rodionov 2007: 174]. Именно как поучительные примеры для благочестивых людей сохранил Бог развалины, и место развалин часто называется ‘ādiyuа в память о гордыне народа ‘ād, уничтоженного Богом (см. выше: [Коран 89: 6]). Отсюда особое значение для ислама джахилийских развалин и всяческих следов древности, включая археологические раскопки и музейные экспонаты. Традиция осознает их как культурный текст и повод для нарратива, как ‘ibarāt, помогающие верующим осознать тщету этой жизни. Аравийские развалины, как всякие руины, имеют свой язык, о чем догадывались не только арабские поэты, но и русский поэт

Е.А. Баратынский, давший знаменитое определение понятию «пред-
рассудок»:

Предрассудок! Он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал [Баратынский 1983: 277].

Разгадкой «языка руин» занимается комплекс гуманитарных и есте-
ственнаучных дисциплин. В наши дни созидательной работе ученых
угрожает разрушительная деятельность новых вандалов, покушающих-
ся на культурную память человечества вопреки арабским традициям
и кораническим предписаниям.

Библиография

Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб.
А.А. Долининой и Вл. В. Полосина. М., 1983.

Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1983 (Литературные памят-
ники).

Бродский И.А. Письма к римскому другу (из Марциала) // Бродский И.А.
Сочинения: В 4 т. / Сост. Г.Ф. Комаров. СПб., 1994. Т. II.

Родионов М.А. Откуда и куда течет арабское время? // Радловский сборник.
Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 году. / Отв. ред.
Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 301–305.

Родионов М.А. Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрама-
ут. СПб.: МАЭ РАН, 2014. (Kunstkamera Petropolitana).

Abū l-‘Atāhiya 1986 —

الاعشى، ميمون بن قيس. ديوان الاعشى الكبير. بيروت، المكتب الشرقي، ١٩٦٨.

al-A‘shā 1968 —

أبي العتاهية، إسماعيل بن القاسم بن سويد العيني. ديوان أبي العتاهية. بيروت: دار بيروت، ١٩٨٦.

Ibn al-Mu‘tazz 1961 —

ابن المعتز، عبد الله. ديوان ابن المعتز. بيروت: دار صادر، ١٩٦١.

Imru‘u-l-Qays 2004 —

ديوان امرئ القيس. بيروت: دار الكتب العلمية، ١٤٢٥ هـ - ٢٠٠٤ م.

Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–
1991 // Orientwissenschaftliches Hefte. OWZ der Martin-Luther-Universitaet Halle-
Wittenberg. Hft 24. 2007.